

Иван Сергеевич Тургенев

Фауст, траг. Соч. Гёте.

**Перевод первой и изложение
второй части. М. Вронченко**

Иван Тургенев

**Фауст, траг. Соч. Гёте.
Перевод первой и изложение
второй части. М. Вронченко**

«Public Domain»

1845

Тургенев И. С.

Фауст, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части.
М. Вронченко / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1845

Статья Тургенева является образцом философской, общественно активной критики, за которую ратовал Белинский. «Фауст» Гёте для Тургенева – это произведение, пронизанное страстной, ищущей мыслью, это апофеоз борьбы человеческой личности за свои права. Однако Гёте ограничил страстные поиски Фаустом истинного смысла жизни узкой сферой «лично-человеческого», и в этом Тургенев видел причину неудачи второй части трагедии, считая, что задачей исторического прогресса является не счастье отдельной человеческой личности, но уничтожение всякой возможности нищих на земле.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Фауст, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург

Появление нового перевода «Фауста»^[1] возбудило в нас разнообразные размышления насчет нас самих и нашей литературы. Несмотря на почти совершенное отсутствие действительных дарований, на множество слабых и пустых произведений, которыми наводнены наши книжные лавки, – общественное сознание, чувство истины и красоты растет и развивается быстро. Мы не намерены – теперь именно – входить в исследование причин подобного явления... вообще русский человек развивается так особенно, что в немногих словах невозможно представить читателю смысл и законы его внутреннего преобразования; но, например, несколько лет назад при появлении перевода «Фауста» г. Вронченко мы готовы были бы отделаться похвалами, назвать труд переводчика «событием» и т. д.; одно имя «Фауста» произвело в нас впечатление довольно смутное и странное; мы чувствовали, что в этом произведении отразилась целая жизнь мыслящего, уже не юного, несколько чуждого нам народа, и – либо с простодушным благоговением склонялись перед созданием Гёте, в котором видели альфу и омегу всей человеческой мудрости, либо с торопливой поспешностью проходили мимо, отделиваясь словами: «туманное произведение!..» Впрочем, у нас даже до нынешнего дня слово «туманное» почитается естественным эпитетом всего немецкого. Теперь же... мы не намерены расточать преувеличенные похвалы нашей публике, тем более что она в них вовсе не нуждается; мы не скажем ей, что в последнее время она окончательно поняла и изучила Гёте и дошла, например, до ясного сознания того, что такое «Фауст» как произведение немецкое и в какой степени это произведение должно занимать нас – русских... нет, мы этого не скажем; но сознание нашей, публики в последние годы возмужало и окрепло; время безотчетных порывов и восторгов прошло для нее безвозвратно; она стала вообще холоднее и равнодушнее, как человек, которому надоело шутить и которому нравится одно дельное... Ее теперь едва ли ослепишь блеском великого имени; ее здравый смысл требует положительных доказательств – не в том, что Гёте великий поэт (она знает это лучше нас), но в том, действительно ли «Фауст» такое громадное создание?.. Приступая к разбору этой великой трагедии, мы чувствуем некоторую невольную робость... мы знаем сами, какой великий труд мы взяли на себя...

Разбор *вековых* творений, подобных «Фаусту», или весьма легок, или весьма труден... В первом случае стоит только «воскурить фимиам», употребить восторженные восклицания и т. д.: благо произведение великое, так уж и нечего толковать о нем! Большею частью так и поступают наши господа-критики. Но эти господа забывают, что ни одно великое творение не упало на землю, как камень с неба; что каждое из них вышло из глубины поэтической личности, которая только потому и удостоилась такого счастья, что весь смысл современной жизни отразился в ней не одними преходящими отголосками, но целым, иногда довольно мучительным, развитием характера и таланта; что чем выше, проще и нераздельнее произведение, тем сложнее и разнообразнее условия и процесс его *возникания*... С другой стороны, вовсе не нужно дойти до сознания этого процесса, чтоб вполне наслаждаться великим произведением, точно так же, как не нужно знать химический состав какого-нибудь прекрасного цветка, чтоб быть в состоянии любоваться им; непосредственная, несомненная, общепонятная красота – необходимая принадлежность всякого художественного создания. Но если уж человеческий дух решится понять и оценить то, чем он пленяется невольно, дознаться причин собственного наслаждения, то непростительно ему остановиться на полдороге: бесстрашная добросовестность и отчетливость до конца – вот главные достоинства критики в обширном

смысле, которая, несмотря на вопли ее противников, никому еще не сделала зла. Мы не говорим о самолюбивой, робкой или ограниченной критике людей, которым не хочется быть просто непосредственными натурами и между тем страшно или тяжело дойти до результатов собственных размышлений, – людей, которые целый век твердят дважды-два и никогда не скажут четыре или скажут, наконец, пять и будут хитро и многословно доказывать, что оно иначе и быть не могло... Мы говорим о дельной критике. Вследствие всего сказанного о духе нашей публики мы надеемся удовлетворить ее потребностям, представив ей сначала в коротких словах род исторического изыскания о том, когда, как и почему возникла и созрела мысль о «Фаусте» в душе поэта, а потом и собственное наше воззрение на «Фауста». Историческое изыскание может иногда с успехом заменить чисто логические рассуждения, потому что ничего не может быть логичнее исторического развития, ясно и добросовестно представленного. Мы, бесспорно, можем ошибиться в наших выводах, но уже Лафонтен сказал:^[2]

J'aurais du moins l'honneur de l'avoir entrepris¹.

Гёте в записках своих,^[3] к сожалению, слишком поздно им начатых, оставил нам довольно верную и подробную картину состояния германской литературы до семидесятых годов прошлого столетия (он сам родился в 1749 году). Великими людьми этой эпохи были Клопшток, Виланд и Лессинг,^[4] в особенности Клопшток. Французская классическая школа (Готшед), швейцарская школа (Бодмер и др.)^[5] – обе прошли быстро и безвозвратно. Клопшток первый заговорил о народности в литературе, о бардах, об Арминии,^[6] о северной мифологии, отбросил рифму. Виланд, этот разнообразный, насмешливый и грациозный талант, своими многочисленными произведениями, переводами с греческого, английского, итальянского и французского, возбуждал и увлекал своих соотечественников; Лессинг, по преимуществу немецкий здравый и острый ум, основывал критику и драму – и, может быть, еще более, чем Клопшток, имеет право называться творцом немецкой словесности; он был одарен чрезвычайно замечательным полемическим талантом и здравым смыслом (впрочем, эти два качества почти неразлучны), и победы, одержанные им над людьми, подобными Клотцу^[7] и другим, спасли возникшую германскую литературу от гибели, <которая могла ей угрожать в случае победы^[8]> ложных направлений. Заслуги этих трех писателей чрезвычайно велики; но ни одному из них не было суждено положительно выразить сущность своего народа и времени. У каждого народа есть своя чисто литературная эпоха, которая мало-помалу приготавливает другие, более обширные развития человеческого духа; такая эпоха настала для Германии около семидесятых годов. Между тем как во Франции общество уже устарелое, испытанное внешними и внутренними борьбами, не оставлявшее ни одного вопроса без разрешения и не удовлетворенное ни одним из этих разрешений, – между тем как это общество стремительно спешило к собственному разрушению, или, говоря правильнее, к собственному возрождению, – Германия только что приходила к сознанию собственной народности, к сознанию самой себя – не как общества, но как народа, говорящего одним языком и не имеющего на этом языке ни одного литературного памятника. До XVII столетия все немецкие ученые писали по-латыни и по-французски, как Лейбниц;^[9] поэты держались при дворе в качестве шутов и писали оды на разные торжественные случаи; немногие исключения, как-то: юмористы школы Ганса Сакса – Фишарт, Грифиус,^[10] свидетельствуя о добродушно-сатирическом направлении немецкого ума, не имели, впрочем, особенного значения; монархи германские, даже лучшие из них (вспомните Фридриха II) пренебрегали родным языком; одни лишь богословы со времени Лютера говорили и писали по-немецки. Но вот настала первая половина прошлого столетия. Философ Вольф отказался от латинского языка.^[11] Немецкая литература, еще юная и не самобытная, устре-

---

¹ Я по крайней мере имел бы честь его предпринять (*франц.*).

милась по следам французской. Быстро один за другим начали возникать писатели, которых уже нельзя было, как Готшеда, причислить к сонму бездарных подражателей; Рамлер и Глейм явились в Берлине;^[12] начались критические исследования о самом языке, правда, довольно поверхностные, но для того времени чрезвычайно важные. Наконец, явились те замечательные люди, о которых мы говорили выше. Но настоящий переворот, – то, что Гете назвал революцией германской литературы^[13] (ч. 26, стр. 68, изд. 1829), совершился между семидесятыми и восьмидесятыми годами прошлого века, в эпоху, которую немецкие критики (правильнее: *Litterarhistoriker*²) называют «периодом бури и стремления» (*Sturm-und Drang-Periode*).

Жизнь каждого народа можно сравнить с жизнью отдельного человека, с той только разницей, что народ, как природа, способен вечно возрождаться. Каждый человек в молодости своей пережил эпоху «гениальности», восторженной самонадеянности, дружеских сходок и кружков. Сбросив иго преданий, схоластики и вообще всякого авторитета, всего, что приходит к нему извне, он ждет спасения от самого себя; он верит в непосредственную силу своей натуры и преклоняется перед природой как перед идолом непосредственной красоты. Он становится центром окружающего мира; он (сам не сознавая своего добродушного эгоизма) не предается ничему; он всё заставляет себе предаваться; он живет сердцем, но одиноким, своим, не чужим сердцем, даже в любви, о которой он так много мечтает; он романтик, – романтизм есть не что иное, как апофеоза личности. Он готов толковать об обществе, об общественных вопросах, о науке; но общество, так же как и наука, существует для него – не он для них. Такая эпоха теорий, не условленных действительностью, а потому и не желающих применения, мечтательных и неопределенных порывов, избытка сил, которые собираются низвергнуть горы, а пока не хотят или не могут пошевелить соломинку, – такая эпоха необходимо повторяется в развитии каждого; но только тот из нас действительно заслуживает название человека, кто сумеет выйти из этого волшебного круга и пойти далее, вперед, к своей цели. Подобная романтическая эпоха настала для Германии во время юности Гёте. Появилось множество так называемых гениальных молодых людей; молодость, непосредственность, природа, самобытность – эти слова звучали в устах у каждого; никому бы в голову не пришло тогда написать «Разбойников» – потому что всякого занимали только собственные радости и страдания, – но многие надеялись попасть прямо в Шекспиры; в то время Виланд и Эшенбург познакомили с ним Германию^[14] и их переводы жадно поглощались читателями. Любовь к Шекспиру пробудила любовь к средним векам, к которым можно чувствовать влечение только тогда, когда в действительности народ вполне от них отторгнулся; а это отторжение совершилось в Германии довольно поздно. Движение умов во Франции – Вольтер, Руссо, энциклопедисты – всё, что так глубоко, так-сильно потрясло потом весь мир, в то время находило весьма мало сочувствия в Германии, и ландграфы преспокойно продолжали продавать своих подданных англичанам, воевавшим с непокорными американцами.^[15] Вот что говорит сам Гёте в третьей части своей автобиографии:

Когда нам случалось раскрыть одну из частей энциклопедического словаря (известное издание Дидро и Даламбера), нам казалось, что мы зашли в огромную фабрику, где со всех сторон скрипят и вертятся колеса, непостижимым образом двигаются машины, и мы, не понимая цели всех этих движений, приходили в полное отчаяние... Жаркий спор французских философов с духовенством не возбуждал нашего внимания. Запрещенные, к огню присужденные книги, которые тогда делали много шума, не имели на нас никакого влияния... Природа была нашим божеством...^[16]

---

² историки литературы (нем.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Появление нового перевода «Фауста»... – Первый полный перевод первой части «Фауста», принадлежащий Э. И. Губеру (1814–1847), появился отдельным изданием в 1838 г., с большим количеством цензурных изъятий (см.: Жирмунский В. Указ. соч., с. 527–533).

2.

...уже Лафонтен сказал... – Тургенев цитирует далее посвящение «A Monseigneur le Dauphin» (1668) Лафонтена.

3.

Гёте в записках своих... – Автобиографическое сочинение Гёте «Aus meinem Leben. Wahrheit und Dichtung» <Из моей жизни. Правда и поэзия>, работу над которым он начал, когда ему было уже более 60 лет. I–III части этого труда были опубликованы в 1811–1814 гг., последняя, IV часть – посмертно, в 1832 г.

4.

Великими людьми этой эпохи были Клопшток, Виланд и Лессинг... – Клопшток (Klopstock) Фридрих Готлиб (1724–1803) – немецкий поэт, пытался в своих произведениях выразить свободу чувства и фантазии, предвосхищая тем самым эстетическую программу «бури и натиска». Виланд (Wieland) Генрих (1733–1813) – немецкий писатель и поэт, автор религиозно-дидактических поэм, первого в Германии просветительского «романа воспитания» «Агатон» (1766) и др., переводчик Шекспира. Лессинг (Lessing) Готхольд Эфраим (1729–1781) – немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель.

5.

Французская классическая школа (Готшед), швейцарская школа (Бодмер и др.)... – Готшед (Gottsched) Иоганн Кристоф (1700–1766) – немецкий писатель и критик, представитель раннего немецкого просвещения. Будучи приверженцем французского классицизма, переводил на немецкий язык П. Корнеля, Ж. Расина, Мольера и др. Бодмер (Bodmer) Иоганн Якоб (1698–1783) – швейцарский критик и поэт, в книге «Критическое рассмотрение чудесного в поэзии» (1740), полемизируя с Готшедом, придал большое значение роли чувства и воображения в народной поэзии.

6.

...Клопшток первый заговорил ~ о бардах, об Армиипии... – Тургенев имеет в виду так называемые «бардиты» (от слова «бард») Клопштока, его национальные драматические поэмы – «Hermanns Schlacht» (1769), «Hermann und die Fürsten» (1784), «Hermanns Tod» (1787). Арминий — латинская форма имени Германа, вождя херусков, который отразил римское нашествие на германские земли, одержав победу над легионами Вара в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.). О Клопштоке см. у Гёте: «Правда и поэзия», ч. III, кн. 12.

7.

...над людьми, подобными Клотцу... – Христиан Адольф Клотц (Klotz, 1738–1771) – немецкий филолог, критик и журналист; выступил против ряда положений, высказанных Лессингом в трактате «Лаокоон» (1766). Лессинг воспользовался этим случаем, чтобы разоблачить его в своих «Антикварских письмах» (1768) как псевдоученого и пасквилянта.

8.

...<которая могла ей угрожать в случае победы>... – Редакторская конъектура вызвана явным искажением фразы в первопечатном журнальном тексте, перешедшим и в издание 1880 г.

9.

Лейбниц (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646–1716) – немецкий философ-идеалист, математик, физик и изобретатель, юрист, историк и языковед, оказал значительное влияние на последующее развитие философии и науки.

10.

...юмористы школы Ганса Сакса – Фишарт, Грифиус... – Сакс (Sachs) Ганс (1494–1576) – немецкий поэт, автор фастнахспиелей и шванков (масленичных народных представлений), в которых с юмором изображал крестьянский быт, распутство католических клириков, буйство ландскнехтов. Фишарт (Fischart) Иоганн (1546 или 1547–1590) – немецкий сатирик, публицист и моралист. Изображал пороки и добродетели бюргерской среды, обличал католическую церковь и иезуитов, славил прилежание и труд горожан. Грифиус (Griphius) Андреас (1616–1664) – немецкий драматург, сторонник классицизма, комедии которого однако интересны наличием в них реалистических тенденций и поисками национального колорита. Все комедии Грифиуса написаны прозой, на немецком языке, а их простонародные персонажи говорят на силезском диалекте.

11.

Философ Вольф отказался от латинского языка. – Христиан Вольф (1679–1754) настаивал на том, что немецкий язык является вполне подходящим орудием для определения самых тонких понятий, и написал одно из своих главных сочинений («Разумные мысли о боге, о мире и о человеческой душе, а также и о всяких других предметах», 1720) на немецком языке.

12.

...Рамлер и Глейм явились в Берлине... – Рамлер (Ramler) Карл Вильгельм (1725–1798) – поэт, видный участник кружка литераторов-просветителей, писал оды, переводил античных авторов. Глейм (Gleim) Иоганн Вильгельм Людвиг (1719–1803) – немецкий поэт, один из основателей Галльского союза поэтов-анакреонтиков, автор «Прусских военных песен» (1788), в которых звучат мотивы национального единства немецкого народа.

13.

...Гете назвал революцией германской литературы... – Эти слова имеются в автобиографическом сочинении Гёте «Правда и поэзия», ч. III, кн. 11; Тургенев ссылается на 26 том издания: Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand. Stuttgart und Tübingen, 1828–1830. Это издание с пометами Тургенева сохранилось в библиотеке писателя, находящейся теперь в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле.

14.

...но многие надеялись попасть прямо в Шекспиры; в то время Виланд и Эшенбург познакомили с ним Германию... – В 1762–1766 гг. Виланд сделал прозаический перевод Шекспира, который впоследствии обработал Эшенбург (1743–1820). Об увлечении Шекспиром в Германии и о его немецких переводах Гёте говорит в 11 книге (часть III) своей автобиографии.

15.

...ландграфы преспокойно продолжали продавать своих подданных англичанам, воевавшим с непокорными американцами. – Личная свобода крестьян в Германии была провозглашена в 1807 г. Октябрьским эдиктом. Тургенев, имеет в виду войну, которую вела Северная Америка в 1775–1783 годах против английского колониального господства, закончившуюся созданием независимого государства – Соединенных Штатов Америки.

16.

«Когда нам случалось ~ нашим божеством...» – Эти цитаты взяты Тургеневым из разных мест 11 книги (III части) автобиографии Гёте.